

ИБН ФАДЛАН. ПО ПУТИ В СТРАНУ ТЮРОК

Среди авторов IX–X веков, оставивших свидетельства о жизни народов Средней Азии и региона Поволжья, нет равных Ибн Фадлану. Его сочинение — источник уникальных данных, дошедших до нас через века и расстояния.

Ахмед Ибн Фадлан. В даль веков уводит нас это имя. В начале X века в составе посольства багдадского халифа ему довелось совершить поездку через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию. И разве важно сегодня, что предпринятая дипломатическая миссия не увенчалась в ту пору успехом, главное — она

состоялась и Ибн Фадлан оставил подробный отчет о своем путешествии. Он назвал этот отчет «Рисале» — «Записка», но за этим кратким и скромным названием скрывается яркое и достоверное повествование, отличающееся широтой охвата, изобилующее уникальными сведениями обо всем том, что он сам наблюдал «в стране тюрок, хазар, русов, славян, башкир и других народов по части различий их вероучений, сведений об их царях, их положения во многих их делах». Вспомним, что тысячелетие отделяет нас от той поры. Все эти народы находились еще в языческом состоянии, ислам только-только начинал проникать на эти земли, и более полстолетия оставалось до принятия христианства на Руси. «Записка» Ибн Фадлана явилась, таким образом, одним из важнейших источников по раннесредневековой истории Восточной Европы, а также Средней Азии. Достаточно сказать, что ученый-энциклопедист XIII века Йакут ар-Руми включил несколько фрагментов из «Рисале» в свой «Географический словарь». На сведения Ибн Фадлана опираются и современные ученые в воссоздании картины исторического и культурного развития народов, проживающих на этих землях.

Биографических данных об авторе «Записки» сохранилось немного. Полное его имя — Ахмед ибн Фадлан ибн ал-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад. Он состоял старшим писцом-чиновником при главе Аббасидского халифата. К этому времени Арабский халифат являлся мировой державой, в орбиту его влияния были вовлечены и центр Африки, и северо-восток Европы, и юго-восток Азии. И на всех

территориях, куда простиралась могущественная длань этой мусульманской теократии, внедрялась и новая религия — ислам. Внедрялась, как и другие религии, силой, убеждением, экономическими санкциями, подвижничеством миссионеров. Отправка посольства из Багдада на берега Волги может служить здесь ярким подтверждением сказанному. Посольство было срочно снаряжено в связи с тем, что правитель Волжской Булгарии, желая избавиться от власти хазар, обратился за покровительством к аббасидскому халифу ал-Муктадиру, за что обещал принять ислам. Халиф не пренебрег возможностью упрочить эту идеологию на обширных землях в бассейне нижней Камы и Волги (до реки Самары). К тому же он рассчитывал получить от этого большую торговую выгоду. Ибн Фадлан так сообщает об этом в своей книге путешествия: «Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки йылтывара, царя «славян», к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть... и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников, — было дано согласие на то, о чем он просил».

21 июня 921 года посольство выехало из Багдада. Оно везло царю волжских булгар письмо халифа, богатые подарки, в составе миссии ехали факихи — юристы и муаллимы — учителя, в задачу которых входило обучение булгар законам ислама. И хотя во главе посольства стоял некий Суссан-ар-Расси, на

плечи Ибн Фадлана ложилось много забот и большая ответственность за исход дела.

Почти год находилась миссия в пути — в Волжскую Булгарию прибыли в мае 922 года. Двигались по торговому маршруту, освоенному арабскими купцами, именно по этим дорогам из Ирана, Ирака, Хорезма в бассейн Нижней и Средней Волги доставлялись товары в обмен на драгоценную пушнину. Ибн Фадлан не был первооткрывателем этих земель, но он был первым путешественником, чьи достоверные сообщения о северных прикаспийских областях и Заволжье дошли до наших дней.

Миновав Нишапур, Серахс, Мерв, другие поселения, караван вошел в Кушмахан, «который являлся краем пустыни Амуля» (Восточные Каракумы — Р. М.). Миновав тяжелый участок песчаных барханов, вышли к реке Джейхун (Амударья), переправившись через которую, достигли, наконец, Бухары. Судя по сообщению Ибн Фадлана, в Бухаре почитались в ту пору арабские халифы, и посольству было оказано уважение и всяческое содействие. Правил же здесь эмир из династии Саманидов — Наср ибн Ахмед. «А он — безбородый мальчик», — отмечает Ибн Фадлан. Действительно, эмиру Бухары только что исполнилось 16 лет. Первыми словами его при аудиенции были: «Каким вы оставили моего господина, повелителя правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире и его благополучие?». Услышав, что халиф находится в добром здравии, эмир выказал стремление оказать посольству всяческую поддержку и помощь, дать эскорт для сопровождения на пути

к Хорезму. Этот факт свидетельствует о том, что в X веке важные центры на Великом шелковом пути, как-вым являлась и Бухара, держали под своим надежным контролем проходящие через территории их стран участки этой древней торговой дороги.

В Бухаре посольство находилось 28 дней, и можно только сожалеть, что до наших дней сочинение Ибн Фадлана дошло, не имея конца, и мы не узнаем, сколько еще страниц насчитывалось в нем, какие драгоценные сведения оно содержало. Сохранились же еще интересные данные о деньгах, имевших тогда хождение в Бухаре: «Я видел дирхемы Бухары разных сортов, из них дирхемы, называемые аль-гитриффи, они состоят из меди, красной меди и желтой меди, из которых берется количество без веса. Сто из них равны дирхему из серебра. А вот условия их относительно калымов за их женщин, говорят: женится такой-то сын такого-то на такой-то дочери такого-то за столько-то и столько-то тысяч дирхемов гитриффских. И таким же образом происходит покупка их недвижимого имущества и покупка их рабов: они не упоминают других сортов дирхемов». Эти деньги, которые так ценили в Бухаре, чеканились Гитриффом ибн Ата, правителем Хорасана.

Зима в эти края, случалось, приходила ранняя и неожиданная, поэтому путешественников предостерегли от дальнейшего промедления в пути, и было принято решение двигаться дальше, к Хорезму. Они нанимают корабль и по Амударье прибывают на хорезмские земли, в древнюю столицу — Кят. «Правитель почтил нас, приблизил к себе и устроил для нас

жилье», — сообщает Ибн Фадлан. Здесь надо было получить разрешение следовать через земли Хорезма в «страну тюрок». Не сразу было получено такое разрешение: хорезмшах считал, что их поездка может закончиться весьма плачевно.

Спустившись к югу, в Джурданию (Старый Ургенч), они надолго задержались здесь, так как оказались в плену сильных холодов. Ибн Фадлану, жителю солнечного Багдада, они показались особенно страшными: «И замерзла река Джейхун от начала до конца ее; и была толщина льда семнадцать четвертей. Кони, мулы, верблюды и повозки проезжали через него, как проезжают по дорогам, — он был тверд, не сотрясался. И оставался он в таком виде три месяца». Приглашая в гости, подчеркивает путешественник, здесь говорят: «Пойдем ко мне, у меня хороший огонь», и даже нищие, заходя в дом за милостыней, проходят сначала к очагу, греются и только потом просят хлеба. И еще сообщает Ибн Фадлан: «Не раз выходил я из бани и, когда входил в дом, то смотрел на свою бороду, а она сплошной кусок снега, так что я оттаивал у огня. И право же, бывало, я спал в «доме» внутри дома. А именно — в нем была помещена тюркская юрта из войлоков, причем я был укутан в одежды и меха, и все же иногда моя щека примерзала к подушке». К счастью, отмечает Ибн Фадлан, в Хорезме дрова были дешевыми: большая повозка их стоила около двух дирхемов. Местные жители же Ибн Фадлану не понравились, показались грубыми «по разговору и по природе, а разговор их похож на крик скворцов». Но вот одежды, видно, изготавливались там

высокого качества — позже Ибн Фадлан отметит, что «в стране тюрок, которые называются гуззами», хорезмские одежды считаются хорошим калымом за невесту. Рассказал он и о промысле менял, которые продают игральные кости, чернильницы, ведут денежные операции. Хождение же здесь имели «хорезмские дирхемы обрезанные свинцовые и медные».

Миновало четыре месяца их пребывания на земле Хорезма. Во второй половине февраля лед на реке стал таять, и посольство засобиралось в путь. Были куплены верблюды, изготовлены мешки из верблюжьих шкур для переправы через реки, сделаны запасы продовольствия, нанят проводник. Друзья, которые появились здесь, снабдили их большим количеством теплой одежды. «На каждом из нас была куртка, поверх нее хафтан, поверх него шуба, поверх нее кобеняк и бурнус, из которого видны были только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреновой кожи и поверх сапог другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем». Они держали путь на север, «в страну мрака», и не удивительно, что испугались трудностей и вскоре отстали от каравана «факих, муаллим и отроки, выехавшие с нами из Города Мира (Багдада — Р. М.)».

Страхи были ненапрасными — уже на другой день караван настиг такой снег, что верблюды ступали в нем по колена. Десять дней ехали по пустыне, и никто им не встретился в пути, непрерывно мели снежные метели, «при которых холод Хорезма был подобен дням лета». Наконец, выехали к кочевому племени тюрок,

«известных под названием гуззов» (тюркское имя огузов, занимавших в ту пору земли Западного Казахстана — Р. М.). Ибн Фадлан сообщил много подробностей об их быте, языческих верованиях, обрядах. Многое показалось ему диким и ужасным. Тем не менее, путешественникам было оказано гостеприимство. Наибольшее влияние имел здесь среди знати начальник войска Этрэк. Ему преподнесли дорогие подарки и предложили принять ислам. Этрэк обещал сообщить послам свое решение, когда они будут возвращаться обратно. Однако (вспомним предостережение хорезмшаха!) собранные на совет военачальники обсуждали другой вопрос — как поступить с самими послами. Было среди предложений и такое: забрать их имущество и разрезать каждого из них пополам. Надо ли удивляться, что через семь дней плена они уже были счастливы, что хотя бы удалось благополучно выбраться из этих мест.

Тяжелым и опасным был дальнейший путь. Много рек пришлось преодолеть — тут и пригодились кожаные мешки. Ибн Фадлан подробно описал такой способ переправы: в растянутые мешки сначала помещают груз, а поверх садятся несколько человек, которые шестами направляют мешки к противоположному берегу. Опасный и ненадежный способ переправы: много их людей погибло, когда преодолевали реку Джайх (Урал — Р. М.). Прошли через земли печенегов, башкир, племен, которые поклонялись «змеям, и рыбам, и журавлям». Цепкая память путешественника сохранила много подробностей об их укладе жизни, верованиях, отношении к чужестранцам.

И, наконец, когда до ставки правителя Волжской Булгарии остается менее суток пути, тот высылает им навстречу своих братьев и сыновей, а потом и сам, увидев послов, «сошел с лошади и пал ниц. В руке у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас». Несколько дней собирались «предводители его земель и жители его страны» в ставку, чтобы присутствовать при церемонии принятия новой религии. Обставлена она была торжественно и пышно: послы развернули два привезенных знамени, царь болгар выехал на подаренном ему халифом коне, обряжен же он был в савад — одежду черного цвета, что полагалась высшим сановникам двора халифа, голову его венчал тюрбан. Стоя, выслушали послание халифа. Переводчик переводил текст слово в слово, когда же чтение было закончено, «они возгласили: «Велик Аллах!» таким возгласом, от которого затряслась земля». Этим актом Волжская Булгария официально признала ислам государственной религией и становилась частью мусульманского мира.

Но вскоре царь болгар потребовал обещанные в письме халифа на строительство крепости 4000 динаров, которые не были доставлены. И хотя Ибн Фадлан объяснял это тем, что в спешке сборов не успели приготовить нужную сумму и деньги придут позже, отношение к послам резко изменилось. Они оставались здесь до осени, но так и не смогли внедрить нормы ислама, принятые при дворе халифа. Правитель болгар предпочел сохранить систему обрядов и юридических норм, принятых в Средней Азии, чем и закрепил тесные связи с этим регионом. И это

свидетельствовало об ослаблении власти Аббасидского халифата. Как и тот факт, что посольство не смогло получить деньги в Бухаре и Хорезме, как рассчитывало: правители Средней Азии стремились к самостоятельности в отношениях с северными племенами.

В Багдад посольство вернулось, практически, ни с чем, подробностей об этом не сохранилось, так как утрачена часть рукописи путешественника, где повествуется о возвращении на родину. Из других источников известно, что прибыли послы весной 923 года.

Да, ничего из задуманных планов не было выполнено. Но на свет появилось бесценное свидетельство умного, пытливого, наблюдательного человека, видевшего все, о чем он пишет, собственными глазами. Основную часть повествования Ибн Фадлана занимают сведения о пребывании в Волжской Булгарии — именно этому периоду посвящена основная часть сохранившегося повествования. Природа и климат, жилища, одеяния, пища, система законов и религиозные представления, подати, получаемые «царем славян» и выплачиваемые царю хазар, торговые сделки, брачные и похоронные обряды на этих землях — обо всем арабский дипломат и путешественник написал подробно и правдиво. Видел здесь Ибн Фадлан и «русов», приехавших в Волжскую Булгарию по своим торговым делам.

Сочинение Ибн Фадлана было широко известно в арабско-персидском мире. По свидетельству того же Йакута, в его время (XIII век) списки рукописи имелись у многих лиц в Восточном Иране. Однако лишь

в 1920-х годах единственный из этих известных списков «Рисале» был обнаружен востоковедом А. З. Валидовым в библиотеке при гробнице имама Али ибн Риза в Мешхеде (Иран). В 1937 году фотокопия Мешхедской рукописи была передана в дар Академии наук СССР от правительства Ирана, и на ее основе А. П. Ковалевским подготовлено первое издание на русском языке. В 1956 году вышло переработанное и дополненное издание «Записки» Ибн Фадлана. Это сочинение не затерялось в ряду сообщений арабских путешественников. Ему суждено было стать ярким литературным и психологическим памятником той далекой эпохи.

